

Мария САВЧЕНКО МУШКА И ШАМАН

В незначительном отдалении от сопок, где мы с шаманами соседних племён медитируем, отдыхаем и делимся сплетнями, проживает интеллигентный подслеповатый дракон. Впрочем, ребята классифицируют его как вульгарного ящера, мутировавшего после тунгусских событий. Эта гипотеза имеет некоторые подтверждения: прапрадед Ирчи (имена шаманов называть не принято, но ничего: все свои!) трудился в тех краях, – у Ирчи до сих пор в деле бубен с фамильной символикой, – и вот прапра- с коллегами затеял нечто, завершившееся неудачно. После взрыва коллеги повесили над территорией радиоволновое сообщение «Упал метеорит. Ваши друзья-пришельцы» и дали дёру, кто куда. В частности, Ирчин прапрадед доковылял до нас и осел по ту сторону сопки. Только он пришёл не один, а с малюткой-драконом...

Ладно, с ящером. В их семье испокон веку приваживают альтернативную фауну. Ящер рос потихоньку; уж и прадед-то умер, и дед поседел, и сам Ирча стал проводить церемонию инициации в своём племени (вот где полный маразм: человеку удаляют

восьмые зубы без анестезии и торжественно венчают ими шею потерпевшего), а дракончик себе благоденствует. Впрочем, у Ирчи в роду долгожители: друг на друге сидят и долгожителем погоняют.

Этот дракон... я извиняюсь – ящер... как раз вошёл в пору расцвета своих видовых дарований и, среди прочего, практиковал коммерческое ясновидение. Не для всех, разумеется. То есть, он-то радуется всякому, но народ к нему относится с опаской. Как-то даже говорить о нём не очень принято. Ящер там, а люди тут; ничего у них общего. И не ходят. Ходим мы – шаманы. Парень он славный, общительный. Принимает по одному, милостиво и церемонно.

– Здравствуйте, уважаемый Мушка!

Вот ирония: Ирчин прапра-, выбирая яйцо, из которого должен был появиться его будущий питомец, выбрал самое маленькое. Он рассчитывал, что взрослая особь будет размером с хоря. Просчитался. Учинённый им вместе с сотрудниками катаклизм оказал на яйцо своё мультифакторное влияние и позволил Мушке вырасти в нехилую зверюгу, практически оронтозавра. Разумного. Как радиация повлияла на пращура, неизвестно: он до последнего выглядел бодрячком, я и сам это помню. А вот Ирчин папа скрывает под седую копной третий глаз, и говорят, что Ирча сам о двух концах (я не шучу!). Только ведь мы не верим злобным языкам, клевещущим на друга и родню, – а мы все здесь родня в энной степени, – даже если он не посещает ритуальных гейзеров с омовениями и выпивкой.

Так вот же, о выпивке. Мы говорим:

– Здравствуйте, многолюбезный Мушка! – и осторожно ставим на землю мехá. В них вино. Его делают наши старухи. Для Мушки, вылупившегося во время снятия пробы с вина Ирчиной прапрабабки, в которой тот и ныне оплакивает нежно любимую мать, нет подношения приятнее. И нет поступка мерзостней в его глазах, чем не почтить какую-нибудь вздорную каргу.

Мне, сироте, он особенно благоволит и не скупится на пророчества. И вот, ну хоть бы раз ошибся!

...Я не был у Мушки два месяца. Забросил опыты, друзей, работу. Люди уже боятся спрашивать меня о чём-либо. По-моему (но не уверен!), всю последнюю неделю на любой вопрос я отвечал им: «Ты умрёшь!» или что-то в подобном роде. Я влюбился. А ведь всю жизнь молил пески беречь меня от этого. Я помню, как закончил свои дни отец. Сказав мне: «Берегись любви, сынок», – он бросился в обрыв и утонул в реке, текущей по камням, прежде того сломав позвоночник везде, где его только можно сломать. Днём раньше утонула моя мать, и он не захотел жить без неё. Я этого не мог понять и осуждал отца. Теперь не осуждаю: я полюбил женщину, которая вот-вот станет женою другого.

С вечера приготовил мех вина, сделанного моей мамой. Ему лет восемнадцать, им я не угощаю, кроме Мушки, никого. Когда в ночи запели лисы, а вдали, над сопками, завспыхивали искорки (это экспериментируют наши, готовят для односельчан «знамение»), я двинулся к провидцу.

Меня, как всегда, поджидали: Мушка воскуривал травы и был уже, как я понял, в полуготовности. Проговорив обычное приветствие, я опустил вино подле колючего толстеного хвоста, и хвост, шевельнувшись, погладил мой старый мех. Ящер неважно видит, но остальные органы чувств его работают отменно. Хвостом он ощущает значимость вещей. Вот и сейчас, едва коснувшись меха, Мушка прослезился:

– Мамино вино, мой друг? Такой роскошный дар... присядь! Вздохни всей грудью. Это место располагает к забвению горестей.

Нужно заметить, что сам Мушка, пьющий и курящий лотофаг, не забывает никогда и ничего. Однако грот и правда насыщен головокружительными парами.

– Ну, да, дружище. Я старый, слепой, пью.

Как же, старый. В надлежащих условиях и без производственных стрессов подвергшийся облучению ящер может жить тысячи лет.

– Однако Мушка знает кое-что, чего не знает ни один шаман, даже ваш трезвенник Ирча, да упокоят пески его благородного прапрадеда. Это вам не соплеменников дурить своими опытами,

$$q = \left(\frac{S}{a}\right)^{\frac{3}{2}} = \left(\frac{5 \cdot 10^8}{41}\right)^{\frac{3}{2}} = 42,6 \text{ Mm},$$

* понимаешь. – Ящер фыркнул и продолжал:

– И не страдаю я метеоризмом. Разве что самую малость! – Тут он заалел, как маков цвет, усердно культивируемый им на окрестных склонах.

Я кивнул. Он тотчас уловил колебание воздуха (едкой смеси естественных газов, сказал бы наш Ирча, да ведь натура Ирчи широко известна: чёрствый он, даром что трезвенник). Лояльность моя, как всегда, усугубила нашу с ящером приязнь, и он, не делая дальнейших отступлений, перешёл к насущному:

– Ну, что там? Девушка. И молодец, мой пламенный, и пора, а то уж скоро и поздновато было бы. Чужая. Ну, и что? Мы мужчины, дружище! Как там у Гомера... Кто такой? Да так, один там... бабушки моей клиент. Не отвлекайся! Сделай приворот. Да не девушке, а папе с мамой девушки. Учить тебя, ей-богу, что ли? Не обижайся, друг.

Я терпеливо ждал момента, когда драконий юмор истощится и Мушка скажет последнюю фразу. Как показала длительная практика, последний слоган Мушкиных речей всегда и недвусмысленно даёт ответ на ваш главный вопрос. В данном случае – на вопрос, из-за которого я не сплю и забываю есть, не узнаю старейшин рода и говорю духам дерзости.

– ...не уверен, слушаешь ли ты меня, но я почти закончил. – Мушка дёрнул хвостом, шипы подняли пыль и оставили причудливый орнамент на стене пещеры. Ящер казался смущённым и комкал в чешуйчатых лапах облезлую шкурку, подозрительно напомнившую мне любимого шакала Ирчиного папы (шавку отвратную, доложу). Я,

однако же, решил, что зрение меня обманывает... травы, дым... не вопрос обмануться.

– Хотелось бы порадовать тебя, мой друг, – начал Мушка, быстро взглянул на меня и продолжил: – но... м-м... с девицей проблемы. И приворот не поможет.

Я перевёл дыхание и хотел расспросить ящера поподробнее, когда тот опустил голову и негромко добавил:

– Боюсь, дружище, у вас ничего не получится... потому, что она выберет меня!

Вот так наш Мушка преподносит невесёлые прогнозы: тепло и по-дружески. Я сразу понял, что это он так пошутил. Мы посмеялись. Могучий хвост ободряюще погладил меня по спине. Я церемонно простился и вышел.

Было темно и тихо: лисы давно улеглись. И, как отметили мои чуткие ноздри, было очень свежо. Возвращаясь в шатёр, я краем глаза видел тень у грота чудесной рептилии, но не придал этому значения. Животные нередко прячутся у Мушки от непогоды, ночуют или просто заглядывают к нему: во-первых, его обаяние распространяется не только на шаманов, а во-вторых, и самый распоследний суслик в сопках знает, что Мушка – убеждённый вегетарианец.

«Как же, тебя она выберет!», – думал я утром, сидя у себя в шатре и плава в котелочке проклятый состав на разлад между девушкой и женихом. Мы делаем такое нечасто, ведь это преступление против хода вещей. Но иногда всё же делаем, делаем. Куда деться?

Я всё не мог решиться бросить в котелок завершающий ингредиент, когда вошёл друг Ирча с кожаным ведром и вылил воду в эпицентр моих трудов. Разгоняя рукою миазмы (такие мне доводилось обонять лишь раз, когда наш Мушка, пропагандируя разумное питание, вкусил бобов), Ирча приветливо сказал мне: «Воняет!» и повёл прочь, на воздух.

Но свадьба действительно не состоялась! Я, ликуя, намеревался небрежно узнать о подробностях, когда на следующий день увидел – и не поверил своим глазам: большой и бородатый Мушка, которому режет глаза любой свет, собирал зацветавшие маки, время от времени промахиваясь сослепу и ловя когтистой лапой воздух. Набрав преизрядный букет, он понёс его к сопке, на которой – как же это могло получиться?!.. – сидела она, героиня моих сладких грёз. Ящер положил цветы у её ног и сам кое-как примостился поблизости, закрыв своей тушей красотку.

Мне на плечо легла чья-то ладонь. Я обернулся и встретил сочувственный взгляд друга Ирчи. Ну, ничего не скрыть, когда твои друзья – шаманы, как и ты. Ирча тоже смотрел в сторону парочки, всеми порами излучая скорбь сдержанного мужского сочувствия.

– А ты не знал, старик?

– Чего я не знал? – буркнул я.

Ирча всплеснул изящными ладошками.

– Как же? Свадьбы не будет! Девушка заявила родителям, что ощущает в себе дар ясновидения и желает... э-э... стажироваться у признанного авторитета. Те не посмели возразить. – Ирча неодобрительно воздел брови. – Представляешь, теперь среди нас будет... женщина!

Я с яростью метнул взгляд на сопки. Женская конкуренция – это, конечно же, несерьёзно, но что они могут там делать? Парочка уже не сидела, а славно прогуливалась в нежных лучах, золотящих окрестность. Девушка и ящер шли рядом и увлечённо беседовали. Неподалёку маячил жених – теперь уже «экс», с недостойным злорадством подумал я о растерянном малом. Рядом чесал подбородок отец жениха.

Почувствовав мой взгляд и, по-видимому, моё настроение, девушка обернулась и

приветливо помахала рукой. Ирча было заулыбался, собираясь помахать в ответ, но под моим мрачным взглядом раздумал. Мы постояли немного и пошли к нашим гейзерам. Что-то забросил я ритуальные омовения и ребят. Ну их, женщин. Никогда не поймёшь, что у них на уме.

* – формула тротилового эквивалента полной энергии Тунгусского взрыва, в соответствии с оценками Пасечника и Скорера.